

6. Рагойша, В. Тэорыя літаратуры у тэрмінах : дапам. / В. Рагойша. – Мінск : Беларус. Энцикл., 2001 – 384 с.
7. Шамякина, С. В. Введение в литературоведение : учеб.-метод. пособие / С. В. Шамякина. – Минск : БГУ, 2019. – 111 с.
8. Флоренский, П. А. Сочинения : в 2 т. / П. А. Флоренский. – М. : Правда, 1990. – Т. 1. : Столп и утверждение истины. Опыт православной теодицеи в двенадцати письмах. – 840 с.

Цзи Хэхэ (Китай)

БЕЛОРУССКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В ТВОРЧЕСТВЕ В. Л. КИГНА-ДЕДЛОВА

Писатель и публицист В. Л. Кигн-Дедлов родился в белорусско-немецкой семье, и с детства мать – первая белорусская писательница-фольклористка Е. И. Павловская прививала мальчику любовь к Беларуси. Однако молодой человек открыто дистанцировался от своего немецкого происхождения и убежденно считал себя русским. Об этом можно понять из его письма в редакцию газеты «Новое время»: «В моей семье нет и не было ничего ни немецкого, ни польского. Мой отец, по религии католик, знал только один язык, русский: даже молился по-русски. Моя матушка православная и из православного рода. Поэтому я – православный и русский, так сказать, наследственный, а не то, чтобы сам «сознал свои национальные и религиозные заблуждения» [6, с. 3]. Кроме этого, В. Л. Кигн-Дедлов ярко продемонстрировал свою русскую идентичность в таких произведениях, как «Вокруг России», «Переселенцы и новые места», «Панорама Сибири». Ввиду этого писателя белорусского происхождения в течение долгого времени считали русским. Спустя сто лет после смерти В. Л. Кигна-Дедлова внимание к талантливому литератору вновь возродилось. В результате были переизданы его произведения. Программа осуществилась по инициативе Института социальной памяти Академии военных наук РФ, может быть, по этой причине рецензии на переизданные книги без исключения нацелены на его любовь к России, и в конечном итоге писатель белорусского происхождения получил звучное звание – «русский патриот». Что касается научных статей, то под действием традиции классических трактовок понятия национализма авторы никак не выходили за рамки «русской идентичности». Нельзя отрицать, что отдельные ученые согласны с тем, что В. Л. Кигн-Дедлов не забыл свои белорусские корни, но развернутых исследований по этой проблеме совершенно недостаточно. Хотя Н. Ю. Желтова написала статью «Русское и белорусское в прозе В. Л. Кигна-Дедлова: к проблеме национальной идентичности» [8], в тексте «белорусское» было затронуто лишь в двух словах, и в заключении вывод сделан в пользу русской идентичности. Таким образом, в предлагаемой статье обзорно рассматривается белорусская идентичность В. Л. Кигна-Дедлова.

Во-первых, отношение писателя к родному краю показывает его любовь к белорусскому поселку, к Беларуси. Несмотря на то, что писатель намного дольше жил в России, чем в Беларуси, В. Л. Кигн-Дедлов, вступая в литературное сообщество, выбрал свой литературный псевдоним от названия белорусского села «Дедлово» (Могилевская губерния того времени), а не русского. С точки зрения С. В. Букчина, это «не случайность и не прихоть. Мальчик из семьи с немецкими традициями полюбил Белоруссию, считал себя белорусом и повсюду подчеркивал свое белорусское происхождение» [2, с. 143]. Как правило, у человека с возрастом усиливается чувство привязанности к родному дому. И это характерно для многих культур мира. В. Л. Кигн-Дедлов больше 15 лет учился в России и после окончания университета там много лет работал, затем с середины 80-х годов начал

путешествовать за рубежом и по Российской империи. В конце концов, после долговременной жизни по чужим краям, скиталец вернулся на родину – Беларусь, и поселился в деревне Федоровке (ныне Рогачевский район Гомельской области). Здесь писатель завершил свои многие произведения и был похоронен. При этом необходимо отметить его жизнь в родном краю. В любимой Федоровке В. Л. Кигн-Дедлов устроил озеро, посадил яблони редких сортов, татарский клен, кусты акаций, американскую елку, амурский виноград и многое другое. По словам И. Л. Леотьева-Шеглова, «повсюду в саду, и в лесу, следы любовного отношения к родному месту, к родной природе...» [7, с. 8]. Несомненно, что в любовных отношениях коренится идентичность к этой земле – Беларуси.

Во-вторых, произведения раннего периода творчества Дедлова в основном связаны с Беларусью. Например, в школьном возрасте мальчик написал ряд рассказов, в одном из них описал святки в белорусской деревне Федоровке, где мальчик пережил свое незабываемое детство. Дедлов официально издал сборник рассказов «Белорусские силуэты» (1877), в которых, по словам С. В. Букчина, «любовно рисуются типы белорусских крестьян» [2, с. 146]. А произведения, ярко отразившие русскую склонность писателя, вышли в свет гораздо позднее.

Таблица – Годы выпуска отдельных произведений В. Л. Кигн-Дедлова

№	Произведения	Год	Идентичность
1	Святки в Федоровке	1865	Белорусская
2	Белорусские силуэты	1877	
3	Экзамен зрелости	1876	Поворот
4	Переселенцы и новые места	1894	Русская
5	Вокруг России	1895	
6	Киевский Владимирский собор	1901	

Хотя в творчестве позднего периода В. Л. Кигн-Дедлов ярко проявил русскую идентичность, все-таки можно почувствовать его белорусскую основу. Об этом свидетельствует, в первую очередь, его привязанность к родному краю: «Прощаясь с родными людьми и родной усадьбой, я горько плакал» [4, с. 87]. Ведь все его незабываемые детские воспоминания формировались именно здесь, а сейчас ему надо отправиться в незнакомое место. По пути в Москву, вспоминая о семье Норышкинских, которая с ними ехала, Дедлов бессознательно ассоциировал с родным краем, где прожил шесть лет детства, «не хуже того, которого я однажды видел в нашем Могилеве, в цирке» [4, с. 88]. Когда мать вернулась на родину из Москвы, вокруг не было родных и близких, оставшийся в Москве мальчик ощутил небывалое одиночество и страх: «Ни на одну минуту не забывал, что не воротиться мне домой, что попаду я в стадо, и чужие люди будут на меня, если захотят, кричать <...> Слез вытекло у меня тогда огромное количество» [4, с. 92]. Наступили летние каникулы, наконец-то можно вернуться в родной край, и мальчик проявил детскую непосредственность. Несмотря на длинное расстояние от Москвы до Могилева, которое проехать нелегко для несовершеннолетнего, тосковавший по родному краю мальчик воскликнул: «Стоило ли обращать внимание на такие пустяки!» [4, с. 105]. Ведь он возвращается домой, где родные и близкие. Очевидно, что Москва для мальчика чуждая, а не родина, родина – Беларусь.

Кроме того, В. Л. Кигн-Дедлов многократно упоминал родной край в своих произведениях. В публицистике «Киевский Владимирский собор», в самом начале писатель вспомнил встречу с белорусом А. В. Праховым в белорусском имении. Далее, путешествуя в отдаленном от Беларуси уральском Орске, путешественник невольно вспомнил родной край: «За всем тем это вовсе не

ничтожный городишко, к каким я привык в западном крае. <...> – все это, если оценить, стоит трех белорусских жидовских городишек» [5, с. 47]; по пути от Кундравина в Мияс, увидев огромное количество горок и гор, проезжий в очередной раз упомянул малую родину: «Совсем не забудешь, что ты в больших и знаменитых горах, а не в Рогачевском уезде Могилевской губернии» [5, с. 91]. А сибирские равнины напоминали В. Л. Кигну-Дедлову Беларусь: «Та же Белоруссия или Владимирская губерния. Разница в том, что земли без всякого сравнения тут плодородные, а культуры здесь уже несравненно меньше, чем в Белоруссии и даже на Валдае» [5, с. 335]. Следует отметить, что В. Л. Кигн-Дедлов в своей работе рассказывал и о Гомельщине: «Гомель – первая моя станция на пути в Киев – городок, который заслуживал бы подробного изучения и описания. В нем есть частица русской истории; он интересен в этнографическом отношении; он – развивающийся экономический центр. Его рост обусловлен шоссейной дорогой, по которой я только что ехал, погруженный в размышления о Рогачевском уезде, двумя железными дорогами и судоходным Сожем. Его обитатели – белорусы, поляки, евреи и даже великорусы, в образе староверов, бежавших сюда после никоновских реформ. История – это те же староверы и сад богатейшего помещика уезда, князя Паскевича...» [1, с. 15]. Если бы не было тщательного исследования, то не удалось бы описать западный край с разных сторон лишь немногими строками. В этом прекрасном понимании отобразилась его любовь к Гомельщине.

Белорусская идентичность еще отражается в отношении писателя к белорусам. В своих произведениях Дедлов «с гордостью перечисляет белорусов – генерала Черняева, художника Микешина, офтальмолога Адамука, декана юридического факультета Московского университета (а впоследствии его ректора) Сергеевича, правоведа Фойницкого, искусствоведа Прахова, историка Михаила Куторгу и его брата зоолога Степана Куторгу» [3, с. 17]. При этом слова «с гордостью» в полной мере показали любовные отношения В. Л. Кигна-Дедлова к белорусам. Простые белорусы также были героями его работ. В «Панораме Сибири» писатель описал девочку «с большими белорусскими глазами «пивного» цвета», белорусок «с белыми волосами, грязными ножонками, в одних грубых рубашках» [5, с. 263], мальчика с туберкулезной раной на ноге и его миловидную мать. Как белорус В. Л. Кигн-Дедлов заботится о условиях жизни своих земляков в далекой Сибири: «они жалки и беспомощны. Маленькие избенки, бледные ребятишки. <...> И место-то хуже других, свободных, – супесчаный сосновый бор» [5, с. 263]. Это его сильно расстроило. Наихудшим является то, что латыши, эсты и немцы, обитавшие недалеко от белорусов, жили относительно лучшей жизнью, а белорус забит и раб по уму и характеру. Общественный деятель хорошо понимает причину, а ему ничего нельзя поделать для своих. Его лишь волновала судьба этих переселенцев из Беларуси.

Литература

1. Бирюкович, К. Шли письма в Довск / К. Бирюкович // Гомельские ведомости. – 2006. – 19 янв. – С. 15.
2. Букчин, С. В. Где теперь Дедлов? / С. В. Букчин // Неман. – 1971. – № 8. – С. 142–155.
3. Дедлов, В. Л. Вокруг России : худож. публицистика / В. Л. Дедлов. – М. : Граница, 2009. – 464 с.
4. Дедлов, В. Л. Киевский Владимирский собор. Школьные воспоминание : худож. публицистика / В. Л. Дедлов. – М. : Типография «Наука» РАН, 2007. – 240 с.
5. Дедлов, В. Л. Переселенцы и новые места. Панорама Сибири : худож. публицистика / В. Л. Дедлов. – М. : Граница, 2008. – 456 с.
6. Дедлов, В. Л. Письмо в редакцию / В. Л. Дедлов // Новое время. – 1895. – № 6931. – С. 3.

7. Дедлов, В. Л. Сашенька : повесть / В. Л. Дедлов. – М. : Граница, 2006. – 360 с.
8. Желтова, Н. Ю. Русское и белорусское в прозе В. Л. Кигна-Дедлова: к проблеме национальной идентичности / Н. Ю. Желтова // Филологическая регионалистика. – 2016. – № 4. – С. 16–20.

А. Л. Церковский (Беларусь)

ПРОБЛЕМА ГЕНЕЗИСА АМЕРИКАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ИССЛЕДОВАНИЯХ А. ОЛДРИДЖА

Проблема генезиса и становления литературы США стала объектом пристального изучения относительно недавно не только в постсоветском литературоведении, но и в англоязычном. Однако к настоящему моменту сформировался достаточно широкий круг исследователей, разных литературоведческих школ и традиций. Большинство из них сходятся во мнении, что раннеамериканская литература является важной составляющей в истории и культуре США.

Специфика формирования американской литературы является центральной в исследовании А. Олдриджа «Ранняя американская литература. Сравнительный подход» (*Early American Literature. A corporatist approach*) [1]. Литературовед дает оценку работам своих современников. Он считает раннюю американскую литературу XVII в. более оригинальной и интеллектуально независимой, чем литературу XVIII в., поэтому он отвергает мнение, что ранняя американская литература в большей степени «имитировала литературные модели метрополии» [1, р. 10].

На страницах своей книги А. Олдридж вступает в заочный спор с другим литературоведом – Г. Джантзом, – утверждавшим, что новоанглийская словесность XVII в. более самобытна, нежели последующая колониальная литература. Эту дискуссию комментирует литературовед Л. Мишина: «Основной ошибкой своего оппонента Олдридж считает опору на политический материал: первые поселенцы Массачусетса и Коннектикута создавали свои сообщества на идеалах пуританства, многие из этих руководителей были позднее приглашены в Англию служить в правительстве Кромвеля. Метаморфозы литературы должны быть объяснены прежде всего собственно литературными причинами. Трудно согласиться с тем <...> что большая литературная независимость североамериканских колоний ощущалась в ранние годы, чем столетие спустя, когда они приняли новых поселенцев, основали газеты, создали систему образования и заложили национальные традиции» [2, с. 15–16].

В своей книге А. Олдридж применяет компаративистский анализ избранных произведений. Он сравнивает колониальную литературу с европейской, текстуально доказывает, что ранняя американская литература имеет прототипы и аналоги в литературе метрополии: «Когда переселенцы идут из одной страны в другую, они, естественно, несут с собой свои культурные традиции, включая основной литературный стиль этого периода... Когда в начале XVI в. началась испанская колонизация, а затем веком позднее последовала английская, обе страны – и Испания, и Англия – находились в зените Ренессанса <...> Английские колонии вначале не ощущали литературного отставания, т.е. их поселенцы продолжали писать в манере, которую они усвоили в Англии. Но на рубеже XVII–XVIII вв. уже замечаются различия между поэзией колоний и английской поэзией, хотя в прозе традиция, заложенная Аддисоном, находит в Америке прямых подражателей, и наиболее наглядна здесь фигура Франклина» [2, с. 16]. В качестве доказательства своей теории он приводит в пример сатирическое